

Глава 9.8

Найти Хаку несложно. Ханаби знала его как свои пять пальцев. Даже без своего бьякугана она могла угадать, куда он, скорее всего, направится.

Она и Сай нашли Хаку сидящим на берегу реки. Сай остановил ее, как только они заметили Хаку.

— Я оставлю вас двоих наедине. Позови меня, если я тебе понадобится. Я буду неподалеку.

— Спасибо, Сай.

— Так поступают друзья, крекер-тян.

Сай исчез в ночи. Ханаби глубоко вдохнула, прежде чем приготовиться.

Хаку всегда любил смотреть на большие водоемы. Он говорил, что ему нравится наблюдать за водной рябью и течением. Поэтому она предложила Сай найти ближайший источник воды, чтобы найти Хаку. Ее бьякуган облегчил задачу.

Ханаби спрыгнула с дерева и медленно подошла к Хаку, специально не заглушая своих шагов, чтобы Хаку знал, что она приближается.

Шипы льда поднялись из земли, чтобы преградить ей путь, но Ханаби не дрогнула, продолжая идти вперед. Ледяные шипы Хаку очень острые. Одного укола достаточно, чтобы пустить кровь. Несмотря на это, она продолжала идти к массе льда, преграждающей ей путь.

Она шла, пока не оказалась прямо перед ледяными шипами. Еще немного, и ледяные шипы вонзятся в ее тело. Один из них был прямо напротив ее сердца, а другой - прямо напротив левого глаза. Ханаби продолжала идти вперед, потому что знала.

Хаку никогда не причинит ей вреда, так же, как и она ему.

Верный ее убеждениям, ледяные шипы отступали неохотно. На каждый шаг, который она делала вперед, ледяные шипы отступали на столько же. В конце концов, похоже, Хаку сдался. Ледяные шипы просто рассыпались и упали на землю в виде осколков битого льда.

Хаку все еще находится в той же позе, в которой он был, когда она впервые заметила его. Взгляд его глаз по-прежнему пуст.

Ханаби присела рядом с ним и взяла его за руку. Она не знает, что сказать, поэтому молчит.

Она просто хочет, чтобы он знал, что она его поддерживает.

Ханаби не может смириться с тем, что он ведет себя подобным образом. Это не тот Хаку, которого она знала. Хаку, которого она знала - это тренировочный маньяк, который не хочет быть шиноби.

Он обладает сухим и саркастическим чувством юмора и мирится с ее непрекращающейся болтовней, которую даже ее сестра-близнец иногда находила невыносимой. Он по-своему заботится о ней и выслушивает, когда ей это нужно. Он всегда утверждает, что совсем не слушает, когда она, наконец, заканчивает разглагольствовать, но он помнит каждое ее слово. Ее Хаку не похож на.... вот это.

Ханаби медленно обхватила Хаку руками и обняла его. Она хочет вернуть своего Хаку. Она хочет вернуться в счастливые дни, когда все было не так сложно. Она хочет продолжать доставать и раздражать Хаку.

Он будет отчитывать ее и отгонять, но не будет предпринимать никаких реальных действий. Он погрузится в изучение теории чакры, а она будет просто находиться рядом с ним, молча наблюдая, как он делает то, что ему нравится.

Хаку может быть самым разыскиваемым человеком в Нации Элементалей, а Ханаби будет все равно. Она просто хочет вернуть своего Хаку.

— Выпусти свои эмоции, Хаку. Пожалуйста. Не надо... Не оставайся таким, Хаку. Ты пугаешь меня. — Ханаби обняла Хаку, и ее собственные слезы начали течь по лицу. — Я не буду спрашивать, не буду лезть не в свое дело, но, пожалуйста, поговори со мной.

Ханаби не знает, как долго они оставались в таком положении, но в конце концов она почувствовала, что ее плечо намокло. Тело Хаку начало дрожать, и вскоре он разразился рыданиями, и прошло совсем немного времени, прежде чем он начал выть, как ребенок.

Хаку никогда не плакал. Он всегда казался сильным. Он всегда знал, что делать. Хаку никогда не показывал никаких признаков слабости.

Сейчас Хаку такой беспомощный, такой слабый, такой хрупкий.

Ханаби ненавидит видеть Хаку в таком состоянии, и еще больше ненавидит себя за то, что не может ничего с этим поделать.

Они оба плакали в объятиях друг друга, и Ханаби утешительно похлопывала по спине Хаку, который все еще всхлипывал, даже когда она сама остановилась и ее собственные слезы высохли.

Когда Хаку только присоединился к их клану в качестве подопечного, отец сказал ей наедине, чтобы она не беспокоила Хаку о его прошлом до того, как они встретились друг с другом. По его словам, по оценке психотерапевта Яманак, что бы Хаку ни пережил в Кири, он научился справляться с этим, похоронив все эмоции, которые испытывал по этому поводу, в самой глубине своего сознания и запечатав их, как плотно закрытый ящик.

Пока он не прикасается к содержимому коробки, он может прекрасно справляться со своими эмоциями, связанными с его опытом в Кири. Сейчас же все эмоции, которые Хаку подавлял по поводу своего прошлого, всплыли наружу и ему должно быть нелегко с этим справиться.

Они оба оставались в таком положении, пока Ханابي обнимала его, надеясь, что таким образом она сможет выжать из него всю грусть, которую он испытывает.

— Он... Он любил нас, понимаешь? — Хаку начал говорить сквозь рыдания, и его голос звучал хрипло. — Он любил нас. Он любил маму и меня, и я любил их. Правда.

— Я знаю.

— Я не понимаю... почему?! ПОЧЕМУ?! — Хаку закричал хриплым голосом, и Ханابي пришлось крепко вцепиться в него, чтобы он не навредил себе, так как чакра Хаку выплеснулась с силой, но она осталась на удивление невредимой.

— Почему, родившись со способностями, о которых мы не просили, он за долю секунды превратился из любящего мужа и отца в убийцу?! Я пытался спасти маму, но там были жители деревни, и они сильно ударили меня по голове. Я был слишком мал, я не мог драться! Отец пытался убить меня, а мама подставила себя под удар, чтобы попытаться спасти меня. Она не умеет драться, она даже не может использовать чакру... я до сих пор помню, как они боролись и бились на полу, когда мама пыталась не дать кинжалу вонзиться в меня. Говорила мне бежать... бежать.

Хаку задыхался, пытаясь отдышаться, но продолжал говорить.

— А потом я смотрел, как папа ударил маму ножом в сердце. — прошептал Хаку. — Я до сих пор помню, как она выглядела перед смертью. Как она смотрела на меня и понимала, что не смогла спасти меня. Ее единственного ребенка.

Ханابي закрыла глаза и хотела, чтобы Хаку больше не продолжал. Это слишком больно слышать даже для нее, а ведь ее даже не было на месте этого события. Но она должна это сделать. Хаку должен рассказать об этом, и кто-то должен его выслушать.

Ему нужно выпустить это наружу, поделиться своей болью с кем-то, кому он доверяет. Единственный человек, которому Хаку доверяет во всей деревне - это она, и она это знает. Она должна взять себя в руки и продолжать слушать, потому что Хаку нуждается в ней сейчас, как никогда.

— Он подошел ко мне с кинжалом, с которого все еще капала кровь, кровь моей матери, и он сказал много всего, чего я не помню, возможно, извиняясь передо мной и мамой. Я не знаю, я только смотрел на маму, а потом понял, что она...

Хаку сделал короткий, задышающийся вдох, прежде чем продолжить.

— Ушла.

Затем Хаку начал смеяться. Сначала небольшой смешок, а потом он внезапно взорвался полноценным смехом.

— Ты можешь в это поверить?! Я убил своего собственного отца после этого! Того, кто убил мою собственную мать! Которая умерла из-за меня! Я стал причиной ее смерти! Наша семья, которая так сильно любила друг друга, в итоге убила друг друга. А все из-за того, что мы боялись друг друга больше, чем любили!

Истеричный и пустой смех Хаку раздавался по пустой поляне и Ханаби хотелось заткнуть уши, но она все равно слушала, она нужна Хаку. Как долго он страдал? Как долго он подавлял свои воспоминания и чувства, связанные с его прошлым?

Безумный смех Хаку в конце концов утих, и он остался неподвижным в ее объятиях.

— Я скучаю по ней. Я тоже иногда скучаю по нему, по тем хорошим воспоминаниям, которые у меня были о нем. Я скучаю по тем коротким пяти годам, которые мы провели вместе. Жизнь была трудной, но она была... хорошей.

Ханаби погладила Хаку по затылку, пытаясь заверить его, что она здесь. Она никуда не уйдет.

— Бывают моменты, когда я ненавижу этот мир, Ханаби. Я ненавижу систему шиноби. Я ненавижу себя. Я хочу умереть, но я также хочу жить. Я хочу любить, но также хочу ненавидеть. Я хочу стать сильнее, но мне не нужна сила, я просто хочу жить спокойно. Больше всего на свете я хочу снова доверять, но мне страшно. Я не знаю, кому доверять, я не хочу, чтобы мне снова причинили боль. Что если я доверюсь другому, и то же самое произойдет снова? Я не думаю, что смогу это выдержать. Я ломаюсь. — сказал Хаку, уткнувшись лицом в ее плечо.

— Что мне делать?

— Тогда доверься мне. — Ханаби задышалась, и она обнаружила, что слезы снова хлынули из ее глаз, когда она увидела, насколько Хаку уязвим на самом деле. — Доверься мне, когда я говорю, что никогда не предаю тебя. Доверься мне, когда я говорю, что никогда не разобью твое сердце. Я буду заботиться о тебе, как ты заботился обо мне, когда впервые нашел и спас меня.

Ханаби медленно отстранилась от Хаку и положила обе руки на щеки Хаку. Его лицо было опущено, глаза выглядели такими пустыми, и ее сердце сжалось от того, что Хаку, человек, которого она любила с юности, плачет, как беспомощный ребенок.

— Я никогда не причиню тебе боль. И я никогда не позволю никому больше причинить тебе боль.

Ханаби не знает, слышал ли Хаку ее слова, но она молча поклялась себе.

Орочимару, я убью тебя.

Ханаби закрыла глаза и прижалась лбом к лбу Хаку, который продолжал выплескивать сдерживаемые эмоции, а ее руки все еще держали его лицо.

Я убью тебя за то, что ты причинил боль Хаку...

<http://tl.rulate.ru/book/62135/1654624>